

Борисов Юрий Петрович

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО И В АЛТАЙСКОМ ЭПОСЕ

В статье рассматриваются ритмико-синтаксические параллелизмы в якутском эпосе олонхо "Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта" и в алтайском эпосе "Маадай-Кара" с точки зрения сравнительно-типологического подхода. В результате анализа выявлены основные сходные и различительные черты параллелизмов в сравниваемых эпосах, а также предприняты попытки установить родство на уровне синтаксиса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 44-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

7. Cheever J. An Educated American Woman // Cheever J. Stories. М.: Просвещение, 1982. P. 128-146.
8. Cheever J. The Enormous Radio // Cheever J. Stories. М.: Просвещение, 1982. P. 34-44.
9. Chomsky N. Studies in Generative Grammar // Block M. Y., Semionova T. N., Timofeyeva S. V. Theoretical English Grammar. Seminars. Изд-е 3-е, стр. М.: ВШ, 2010. P. 343-348.
10. Christie A. The Nemean Lion // Making It All Right: Modern English Short Stories. М.: Progress Publishers, 1978. P. 90-136.
11. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. М.: Prosveshcheniye, 1983. 304 p.
12. Maugham W. S. The Painted Veil. М.: Международные отношения, 1981. 247 p.
13. Miller A. After the Fall. N. Y.: The Viking Press, 1964. 165 p.
14. O'Hara J. In the Silence // O'Hara J. Assembly. N. Y.: Popular Library, 1964. P. 182-201.
15. Ohmann R. Grammar and Meaning // The Illustrated Heritage Dictionary and Information Book. Boston: Houghton Mifflin Company, 1977. P. 31-37.
16. Spark M. The Pawnbroker's Wife // Spark M. The Public Image. Stories. М.: Progress Publishers, 1976. P. 151-163.
17. The Illustrated Heritage Dictionary and Information Book. Boston: Houghton Mifflin Company, 1977. 1965 p.
18. Tushnet L. The Klausners // Eleven American Stories. М.: Международные отношения, 1978. P. 16-30.
19. Wilde O. An Ideal Husband // Wilde O. Plays. М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. P. 169-276.
20. Wilde O. Lady Windermere's Fan // Wilde O. Plays. М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. P. 19-90.
21. Wilder Th. The Bridge of San Luis Rey. N. Y. – Evanston – London: Harper & Row; Publishers, 1955. 360 p.

PROBLEM OF NON-CATEGORICAL UTTERANCE

Blokh Mark Yakovlevich, Doctor in Philology, Professor
Moscow State Pedagogical University
blmy2@mail.ru

Zibirova (Afnas'eva) Aleksandra Alekseevna
Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky
lisa8686@bk.ru

The article by the material of the modern English language considers non-categorical utterance as a unit of speech rendering obliquely a message that is expressed in a direct presentation by a categorical utterance. The message is worded as a proposition which is formally presented by a sentence, but in the context of speech it is actualized in the elementary topical utterance, or dicteme. Non-categorical utterances (dictemes) express a tremendous number of connotations that make it into a powerful expressive means of language. In this quality they play an essential role in the formation of speech culture of society.

Key words and phrases: categorical utterance; non-categorical utterance; dicteme; message; appellation; assertion; connotation; operator; speech culture.

УДК 821.512.157=151-131

Филологические науки

В статье рассматриваются ритмико-синтаксические параллелизмы в якутском эпосе олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» и в алтайском эпосе «Маадай-Кара» с точки зрения сравнительно-типологического подхода. В результате анализа выявлены основные сходные и различительные черты параллелизмов в сравниваемых эпосах, а также предприняты попытки установить родство на уровне синтаксиса.

Ключевые слова и фразы: дословное повторение; контекстуальные синонимы; вариантные синонимы; антонимическое противопоставление; перечислительный параллелизм; ритмико-синтаксический параллелизм; параллелизм перекрестного типа; двучленный параллелизм; многочленный параллелизм; тирада.

Борисов Юрий Петрович

Научно-исследовательский институт Олонхо
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
olonhoman@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПАРАЛЛЕЛИЗМА В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО И В АЛТАЙСКОМ ЭПОСЕ[©]

Актуальность данной темы заключается в том, что параллелизмы, т.е. синтаксические средства отражения стиля, в якутском и в алтайском эпосе еще недостаточно изучены в сравнительном плане. Об этом Р. Якобсон пишет: «Глубокий структурный анализ функций параллелизма в фольклоре различных тюркских народов является для языковедения насущной задачей. Как схождения, так и расхождения в ней должны быть выявлены посредством глубокого сравнительно-сопоставительного изучения региональных вариантов» [9, с. 104].

По мнению В. М. Жирмунского, «архаические по своему типу богатырские сказки алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев и якутов, в сопоставлении со средневековым огузским героическим эпосом «Книги Коркута»,

позволяют восстановить ту архаическую стиховую форму, в которой они существовали у тюркских народов, вероятно, задолго до монгольского завоевания в 13 веке» [2, с. 51]. Вместе с тем сравнительный анализ якутского и алтайского эпосов, в частности, поможет пролить свет в определении генезиса эпоса олонхо.

О проблеме параллелизма в языке олонхо Н. В. Покатилова пишет: «Проблема параллелизма в эпическом жанре олонхо является многогранной и требует дальнейшей тщательной разработки» [5, с. 87].

В данной работе основным стилиобразующим синтаксическим средством отражения стиля тюркских эпосов мы рассматриваем ритмико-синтаксический параллелизм как основной художественно-изобразительный прием языка этих произведений фольклора.

Исходя из одинаковых объемов текстов и наличия перевода на русском языке, в качестве материала исследования мы выбрали олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» (8220 поэтических строк) олонхосута П. П. Ядрихинского – Бэдьээлэ и алтайский эпос «Маадай-Кара» (7738 поэтических строк) сказителя А. Г. Калкина, записанный С. С. Суразаковым в 1963 г.

Целью работы является выявление схожих и различительных черт ритмико-синтаксических параллелизмов в якутском и в алтайском эпосах путем сравнительно-типологического метода исследования.

Известно, что ритмико-синтаксический параллелизм является организующей основой для построения произведений фольклора. Еще А. Н. Веселовский обратил внимание на параллелизм и утверждал, что параллелизм покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия как признака волевой жизнедеятельности. И что в основе таких определений лежит перенесение признака, свойственного одному члену параллели, в другой [1, с. 126].

По мнению В. М. Жирмунского, «изначальной структурной формой древнетюркского народного эпического стиха является не двучленная строфа, а то, что он назвал *«эпической тирадой»* (или строфемой), т.е. цепочка стихов неопределенной длины, объединенная параллелизмом и в результате этого параллелизма одинаковыми созвучиями в конце параллельных ритмических отрезков стиха» [2, с. 41]. Также он пишет, что «синтаксический параллелизм как принцип композиционной структуры допускает словесное повторение, как эквивалент рифмы, слов, одинаковых по своей синтаксической функции и морфологической структуре. При этом, чем архаичнее поэтический стиль, тем чаще в нем такие повторения» [Там же, с. 45].

При сопоставлении сюжетов алтайских и якутских эпосов В. М. Жирмунский обнаруживает определенное сходство на уровне сюжета. Он пишет: «Герои алтайских и якутских богатырских сказок спускаются или проваливаются в «нижний мир», преследуя злых богатырей подземного мира или разыскивая похищенную невесту, жену или угнанный народ и скот» [Там же, с. 356].

Автор вводной статьи алтайского эпоса «Маадай-кара» И. В. Пухов утверждает, что истоки алтайского героического эпоса восходят к глубокой древности, и пишет: «Н. А. Баскаков находит некоторые параллели между алтайскими эпическими сказаниями и описаниями подвигов героев в орхоно-енисейских текстах, относящихся к VI-VIII вв. В частности, он указывает на надгробный памятник в честь Кюль-Тегина, умершего в 732 г. Здесь нет возможности подробно остановиться на этом вопросе, однако отметим, что эта гипотеза имеет определенные основания» [7, с. 28].

Также вопрос о происхождении эпоса олонхо рассматривал В. Я. Пропп и пришел к выводу: «Возникновение эпоса у якутов не связано с феодализмом. Якутский эпос есть создание дофеодальной культуры. Изучение его подтверждает гипотезу, что эпос создается до образования государства» [6, с. 39].

И. В. Пухов пишет, что изобразительные средства алтайского эпоса весьма древнего происхождения и также восходят к древним общетюркским истокам. Кроме того, он отмечает: «Особенно много в эпосе различных постоянных формул. Число подобных постоянных формул велико. Повторяясь много раз, они вместе с другими повторяющимися изобразительными средствами составляют характерную особенность сказания» [7, с. 28].

Таким образом, якутский эпос и алтайский эпос имеют схожие черты, которые отражаются на уровне синтаксиса. То есть, мы можем наблюдать в сравниваемых произведениях фольклора наличие множества параллелистических конструкций: в тексте эпоса «Маадай – Кара» 328, а в тексте эпоса-олонхо имеется 462 параллелизма, которые, по мнению Н. В. Покатиловой, являются «основной структурной единицей повествования, организующим композиционным принципом» [5, с. 74].

Далее разберем примеры параллелизма в якутском и алтайском эпосах. Вначале рассмотрим параллелизмы, описывающие эпическое время:

Былгыгы дьыллар

Быралыйбыт быһылааннаах мындааларыгар,

Урукку хонуктар

Уларыбыт охсуһуулаах уорҕаларыгар,

Эргэтээби дьыллар За далями дальними

Илбистээх-иирээннээх энэрдэригэр [8, с. 12]...

Далеко за вершинами

Древних лет тревожных,

Давно за хребтами

Стародавних дней бранных,

Минувших времен

Беспокойных [Там же, с. 13]...

Данный ритмико-синтаксический параллелизм построен последовательным сочетанием трех параллелистических единиц, скрепленных вариантными и контекстуальными синонимами. Отметим, что данный пример является зачином, описывающим эпическое время олонхо, и несет в себе пространственно-временную нагрузку. По мнению Е. М. Мелетинского, «эти вводные картины, отлившиеся в строгие стандартные формулы, идентичны в фольклоре всех тюрко-монгольских народов Сибири, включая давно отделившихся

якутов. Сходство зачинов подтверждает культурно-историческое единство эпоса тюрко-монгольских народов Сибири. Вместе с тем универсальность этих формул указывает на их большую древность. О древности говорит и их содержание» [4, с. 360].

Но следует указать, что в зачине алтайского эпоса «Маадай-Кара», в отличие от олонхо, описывается сразу внешний облик богатыря Маадай-Кара. Тем не менее, мы можем найти пример, соответствующий по структуре:

Эртегиден эрте чакта ,	Раньше раннего века,
Эки <u>јашту јүрер тушта</u> ,	Когда мне два года было,
Озогыдан озо чакта ,	Прежде прежнего века,
Он дор <u>јашту јүрер тушта</u> [3, с. 78]...	Когда мне десять лет было [Там же, с. 263]...

Как видно, этот пример не идентичен примеру из олонхо, так как в нем описывается не эпическое время, а речь идет о возрасте богатыря Маадай-Кара. Строится этот параллелизм на перекрестном повторении, то есть состоит из двух параллелистических единиц, скрепленных повторением лексем без всякого их изменения. «*Перекрестный параллелизм*» (термин Н. В. Покатиловой) строк здесь строго выдержан. Следует подчеркнуть, что данный вид параллелизма, по мнению Н. В. Покатиловой, является основным типом многочленного параллелизма в якутском олонхо [5, с. 74].

Если в эпосе олонхо параллелизмы в совокупности образуют целую тираду, то в алтайском эпосе в подобных примерах используются «*параллелизмы двучленные*» (термин А. Н. Веселовского). Например:

Толоон-толоон аайыттан	Со всех полей туда
Тоноѳос эриэн <u>чуоѳуйбут</u> ,	Коровы-пеструшки идут,
Алаас-алаас аайыттан	Со всех аласов туда
Ала сүөһү <u>аалласпыт</u> ,	Коровы-белобоки тянутся,
Сыһыы-сыһыы аайыттан	Со всех лугов туда
Сыспай сиэллээх <u>сырсыбыт</u> ,	линногривые несутся,
Халдыаайы, халдыа аайыттан	С южных склонов туда
Хара сүөһү <u>ханьыласпыт</u> ,	Скотина рабочая тащится,
Үрүйэ, үрэх аайыттан	Со всех ручьев-ручейков
Үрүн сүүрүк <u>үөрдүспүт</u> ,	Скакуны резвые туда скачут,
Куула, хочо аайыттан	Со всех склонов, долин
Кугас сүөһү <u>хойдубут</u> [8, с. 54].	Скот бурый там сходится [Там же, с. 55].
Озо ло баскан ол дор малым	Впереди идущий скот мой
От ѳлѳнин отоп јүрет ,	Пышные травы поедает,
Кийинде баскан ак быйаным	Сзади идущий белый скот мой
Кара јерин јалап јүрет [3, с. 72].	Черную землю лижет [Там же, с. 256].

Эти два предложения описывают богатство героев эпосов. О подобном сходстве писал еще Е. М. Мелетинский: «В якутском олонхо, так же как и в алтайских и бурятских поэмах, за указанием «эпического» времени (совпадающего с «мифическим») следует описание прекрасной страны, в которой живет герой, но здесь это не просто благодатный уголок земли с прекрасными пастбищами для скота и охотничьими угодами, а, выражаясь научным языком, «первоначальная ойкумена» человеческого племени, с которым олонхо отождествляет якутов» [4, с. 365]. Из данного примера видно, что в олонхо симметрия в стихотворном предложении достигается путем чередования контекстуальных синонимов, а также дословным повторением слова «аайыттан», и все это скрепляется между собой сказуемыми, передающимися в одинаковой форме. О таких примерах параллелизма Р. Якобсон писал, что «Любое слово или предложение, попав в построение на последовательном параллелизме в поэтическое произведение, сразу же вовлекается под давлением этой системы в плотную шеренгу связанных друг с другом грамматических форм и компонентов смысла» [9, с. 127]. А в алтайском эпосе в отличие от якутского примера параллелизм строится на антонимическом противопоставлении двучленного параллелизма: впереди / сзади; пышные травы / черную землю. Подобные примеры довольно часто встречаются как в тексте олонхо, так и в тексте алтайского эпоса. Например:

Тон сирн	Землю мерзлую
Тобугун хараѳар дылы	До чашек коленных
Тоѳута буурдаталаан,	Насквозь продавливая,
Ириэнэх сирн	Землю сырую
Иэччэѳэр дылы	До сустава бедренного
Ибили үктэтэлээн [8, с. 246]...	В месиво превращая [Там же, с. 247]...
Кату јаткан бу Алтайын	Где земля на Алтае была твердой,
Кажыгына <u>чѳнрѳ тебет</u> ,	Ноги, [упершись], уходят по щиколотки в землю,
Јымжак јаткан бу Алтайын	Где земля на Алтае была мягкой,
Тизезине <u>чѳнрѳ тебет</u> [3, с. 169].	Ноги, [упершись], по колени уходят в землю [Там же, с. 357].

Здесь оба параллелизма построены на антонимическом противопоставлении одинаковых по конструкции строк: *мерзлая/сырая (тон/уриэнэх)*; *твердая/мягкая (кату/ымжак)*. Эти параллелизмы интересны и тем, что в якутском повторяются дословно одновременно два слова: «*ури*» и «*ды*». А в алтайском два словосочетания: «*жаткан бу Алтайын*» и «*һнрө тебет*».

В сравниваемых текстах также встречаются примеры, где полностью совпадает семантика параллелизмов. Например:

Киргимтэбэй киһилээх, Хамсыктаах хамаандалаах, Обот-соллон чаҕардаах [8, с. 30]...	С людьми безгливими С командой голодной, С челядью прожорливой [Там же, с. 31]...
Кускун көптү бу черүлү, Куу тумандый албатылу, Бөрү көптү баатырлару [3, с. 80].	Как седой туман – его народ, Как стая воронов – его войско, Как волки – его богатыри [Там же, с. 264].

Здесь параллелизм в обоих случаях строится на контекстуальных синонимах. При этом выдержано горизонтальное и вертикальное аллитерационное созвучие. Семантика раскрывается в описании вражеского войска. При этом аффиксальный повтор ведет к появлению грамматической рифмы. Как утверждает Н. В. Показитова, «Подобная описательная функция возможна благодаря метонимическому характеру параллели, что, в свою очередь, позволяет подойти к прояснению природы формульных клишированных описаний» [5, с. 77].

Существуют интересные примеры параллелизмов более крупных. Например:

Хаан халысхан хайаларын Хайыта тэбэн хампарытта, Таас дьигискэн ылыктыарын Сиритэ тэбэн синнэрдэ, Муус дьолуо суолларын Таҕута тэбэн суолларда, Аат дьабын аартыктарын Атаҕынан арбыаа оонньоото [8, с. 188]...	Скользкие горы кровавые Копытами разбивал, Неровные тропы каменные Ногами раскидывал, Дороги ледовые, Брыкаясь, раскрошил, В нижние миры проходы Копытами истоптал [Там же, с. 189]...
Алын туйгак тепкен жерден Арсал тайга бу чарчалды, Кийин туйгак тепкен жерден Бүрсел тайга бу чарчалды. Баскан, баскан бу жеринен Балкашту кара суулар чыкты, Тепкен, тепкен бу жеринен Жер үзүлүп, көрнөбү күйди [3, с. 81].	Где [конь] передними копытами ударит, - Острове́рхая гора отлетает, Где задними копытами ударит, - Отлогая гора отлетает. Где шагом он пройдет, - [Огромные] черные лужи остаются, Где рысью он проедет, - Там земля, проваливаясь, горит [Там же, с. 266].

Эти примеры интересны тем, что здесь при описании хода коней богатырей использованы предложения, смысловые нагрузки которых одинаковы. Они в совокупности дают общий гиперболический образ эпического коня. Это связано, прежде всего, с тем, что якутский и алтайский народы являются скотоводами. И конный скот для них представляет особую ценность как основное средство передвижения. Поэтому при описании ему выделяют значительное место.

В якутском варианте параллелизм построен на сочетании четырех одинаково построенных единиц, которые в свою очередь являются синонимическими вариантами и объединяются между собой дословным повторением слова «*тэбэн*» и сказуемыми, передающимися в одинаковой форме. В четвертой единице параллелизма данное слово отсутствует, что сигнализирует об окончании параллелизма. А в алтайском варианте параллелизм предстает перед нами как два отдельных предложения, скрепленных единой семантической нагрузкой. Первый параллелизм образован дословным повторением перекрестно соединенных словосочетаний: «*туйгак тепкен жерден*» и «*тайга бу чарчалды*». Второй – дословным повторением перекрестно поставленного словосочетания: «*бу жеринен*». Данный пример доказывает, что в алтайском эпосе предпочтение отдается конструкциям двучленным, чем многочленным.

В текстах исследуемых нами эпосов имеются также параллелизмы, где дословно повторяется однородная лексема как в якутском, так и в алтайском примере. Приведем пример с дословным повторением якутской лексемы «тонот» (гололед, мор), параллелью которого в алтайском языке является лексема «тонгон» (заморозки):

Алдьархайдаах аан халарык адаҕыйда , Сордоох дуолан буурба турда , Дьолуо тонот буолла, Хансык тонот хаҕаата [8, с. 370].	Вихрь неистовый обрушился, Пурга свирепая поднялась, Гололед страшный наступил, Мор черный обступил [Там же, с. 371].
Желбүүзине жер – Алтайы Жети конок озо тонгон , Тыныжына Алтай сыны Алты конок жара тонгон бу болуптыр [3, с. 91].	От веяния [его плодов] земля Алтая За семь дней до его прибытия замерзла, От его дыханья хребты Алтая За шесть дней [до его прибытия] замерзли [Там же, с. 276].

Здесь, как и в предыдущем примере, параллелизм образуется путем перечисления числительных «јети», «алты», а остальные члены параллелизма являются контекстуальными синонимами. Подобные конструкции широко применимы в обоих эпосах. Тому свидетельствуют следующие параллелизмы:

<i>Тобус үйэ тухары</i> Туругурдан тэрийбитгэр <u>эбит</u> , <i>Абыс үйэ тухары</i> Аарыгырдан арийбыттар <u>эбит</u> [8, с. 432].	На девять веков Установили-обосновали, оказывается, На восемь веков Возвеличали-прославили, оказывается [Там же, с. 433].
<i>Тогзон күннин</i> тойын <u>салган</u> , <i>Јетен күнге</i> јыргал <u>салган</u> [3, с. 77].	На девяносто дней той устроили, На семьдесят дней пир устроили [Там же, с. 262].

Оба параллелизма состоят из двух компонентов. В первом случае перечисляются числительные «тобус», «абыс», применимые с дословно повторяющимся словосочетанием «үйэ тухары», и обозначают временной отрезок, в течение которого происходит действие. Во втором случае также приводятся числительные «тогзон», «јетен», применимые повторяющейся лексемой «күн» и тоже обозначающие временной отрезок, в продолжение которого развивается действие.

Без всякого сомнения, в героическом эпосе основное внимание уделяется главному герою – богатырю. Поэтому следует рассмотреть параллелизмы, отражающие и раскрывающие его эпический образ. Например:

<i>Дарабар саннынан</i> <i>Халлааны хаххалых</i> , Кэтит көхсүнэн <i>Куну бүөлүөх</i> [8, с. 426].	Плечи так высоки, Что небо прикрывают, Спина так широка, Что солнце заслоняет [Там же, с. 427].
Ары ла <u>көрүп</u> , атанарда, Айдын <u>көзи бу</u> бөктөлди, Бери ле <u>көрүп</u> , буруларда, Күннын <u>көзы бу</u> јабылды [3, с. 76].	Когда он в одну сторону повернулся, - Глаз луны затмился, Когда он в другую сторону повернулся, - Глаз солнца закрылся [Там же, с. 260].

Здесь даются двучленные параллелизмы, построенные тоже перекрестным способом, где параллелистические единицы представляют собой контекстуальные синонимы. Следует указать, что пример из алтайского эпоса более выдержан, чем параллелизм якутского олонхо. Это просматривается исходя из целостности и абсолютизации его компонентов.

Основная их смысловая нагрузка состоит в раскрытии внешнего вида богатыря. Рассмотрим еще один пример:

<i>Бухатыырга моһуоннаах</i> , <i>Күүстээххэ көрүннээх</i> , <i>Быһыйга быһыылаах</i> [8, с. 90]...	На вид сильный Богатырем выглядел, На глаз быстрый [Там же, с. 91]...
Ады <u>чыккан баатыр болды</u> , Јолы ла <u>чыккан кезер болды</u> [3, с. 76].	Имя его все слышали – такой богатырь, О делах его все знали – такой кезер [Там же, с. 260].

Эти параллелизмы примечательны тем, что их семантика близка, но формы абсолютно разные. Так, в первом случае параллелизм, состоящий из трех параллелистических единиц, строится на однотипных словосочетаниях методом перечисления вариантных синонимов, а во втором случае двучленный параллелизм строится такими вариантными синонимами, как —*батыр*” / —*кезер*”, и дословным повторением лексем: —*ыккан*”, —*бады*”.

Вторым по значимости образом в якутском и алтайском эпосах является образ прекрасной девушки, из-за которой происходит борьба за ее обладание. Данный образ раскрывается следующими параллелизмами:

<i>Бйдаабар ыраас</i> нуурдаах, Күннээбэр <u>күндү</u> бэйэлээх, <i>Көмүс күөрэгэйбит</i> , <i>Күндү далбарайбыт</i> [8, с. 86]...	С ликом луны светлее, Солнца ясного дороже, Жаворонок наш золотой, Пташечка дорогая [Там же, с. 87]...
<i>Ай кебери айга бербес</i> <i>Алтын кептү</i> јылтырашкан, <i>Күн кебери күнге бербес</i> , <i>Күмүш кептү</i> мызылдашкан [3, с. 227].	Луноподобное ее лицо на луну не сменяешь, Как золото, блистало. Солнцеподобное ее лицо на солнце не сменяешь, Как серебро, сияло [Там же, с. 416].

Здесь, по нашему мнению, эпический параллелизм раскрывается во всей своей красе. Так, в каждой параллелистической единице все элементы конструкции взаимосвязаны контекстуальными синонимами. При этом некоторые из них являются антонимическими противопоставлениями. Например, в якутском примере: *ый* – *күн*; в алтайском примере: *ай* – *күн*, *айга* – *күнге*, *алтын* – *күмүш*. Кроме того, по структуре якутский вариант строится парным сочетанием двух самостоятельных параллелизмов, а алтайский вариант перекрестным сочетанием двух компонентов единого целого параллелизма. Также имеется дословное повторение лексем в якутском: —*күндү*”, в алтайском: —*кебери*” и —*бербес*”.

Дословное повторение в якутском и алтайском эпосах является одним из распространенных форм образования параллелизма. Например:

*Алаас аайы араан,
Тумул аайы добуян,
Сыһы аайы сырсан,
Хонуу аайы куоталаһан* [8, с. 90]...

Ойгылыктын **јалангына**
Уулдар *јуулып*, ойной **бертир**.
Кыйгылыктын **јалангына**
Кыстар *јуулып*, јыргай **бертир** [3, с. 77].

По всем *аласам* бегали,
По всем лугам прыгали,
На равнинах гонялись,
На полях состязались [Там же, с. 91]...

На лугу Ойгылык
Парни собрались – играют,
На лугу Кыйгылык
Девушки собрались – веселятся [Там же, с. 262].

В данном случае в якутском параллелизме, состоящем из четырех параллелистических единиц с одинаковой формой, в каждом компоненте дословно повторяется лексическая единица «аайы», означающая здесь множественность место действия, а остальные члены являются вариантными и контекстуальными синонимами. При этом в третьей параллелистической единице каждого компонента форма деепричастия на *-ан* образует подобие рифмы.

Тем временем, в алтайском эпосе параллелизм состоит из двух параллелистических единиц с одинаковой формой, где дословно повторяются сразу три лексические единицы: «јалангына» (луг), «јуулып» (собираться), «бертир» (часть составного сказуемого) – и антонимическое противопоставление: уулдар / кыстар. А остальные члены параллелизма являются вариантными синонимами. Здесь дословное повторение также образует подобие рифмы. Как в якутском, так и в алтайском примере говорится об играющих и веселящихся детях.

Таким образом, подытоживая все вышеизложенное, можно отметить, что основной синтаксический строй параллелизма в рассмотренных эпосах является схожим. То есть прослеживаются параллели структурной организации и семантической нагрузки между параллелизмами якутского олонхо и алтайского эпоса.

Нами замечено, что в обоих эпосах параллелизм образуется путем дословного повторения лексем и словосочетаний, аналитическим противопоставлением, а также чередованием контекстуальных и вариантных синонимов. При этом в алтайском эпосе преобладают параллелизмы, образованные дословным повторением, а в якутском олонхо преимущественно пользуются параллелизмами, образованные чередованием контекстуальных и вариантных синонимов.

Эпические описания образов главных героев сопоставляемых эпосов (богатыря – защитника племени, прекрасной девы – продолжательницы рода и коня – спутника богатыря) раскрываются формально и семантически близкими параллелистическими конструкциями.

Однако конструкции параллелизмов в эпосе олонхо более подвижны, чем в алтайском эпосе, о чем свидетельствуют размеры параллелизмов, передающихся эпическими тирадами (строфемами).

Если в якутском олонхо параллелизм не ограничивается определенными рамками, то в алтайском эпосе в большинстве случаев употребляются двучленные параллелизмы, которые также прослеживаются в большом количестве и в эпосе олонхо. Тем самым подтверждается теория Р. Якобсона о жестком каноне параллелизмов в устной поэзии тюркских народов, которые, по его мнению, имеют у них общее происхождение [9, с. 104].

Если учесть тот факт, что параллелизм в алтайском эпосе в основном представляется двучленными конструкциями, то следует подчеркнуть его ключевую роль в объеме эпоса. Так как эпос «Маадай-Кара» является одним из крупных эпосов Алтая, в то время олонхо «Джырыбына Джырылыатта Девушка-богатырь» является эпосом среднего, а то и малого размера.

Наши выводы в совокупности подтверждают, что, несомненно, данные эпосы являются родственными, о чем свидетельствуют синтаксический строй и семантическая нагрузка параллелизмов. Однако можно предположить, что связь между ними оборвалась в глубокой древности, что бесспорно подтверждается расхождениями в структуре параллелизмов в сравниваемых эпосах.

По нашему мнению, проблема параллелизма является весьма перспективной для дальнейших исследований в сравнительно-сопоставительном плане тюрко-монгольских эпосов и может дать интересные результаты с точки зрения изучения генезиса эпоса олонхо.

Список литературы

1. **Веселовский А. Н.** Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М., 1989. 648 с.
2. **Жирмунский В. М.** Эпическое творчество народов Средней Азии // Народный героический эпос. Л.: Гослитиздат, 1962. 434 с.
3. **Калкин А. Г.** Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. 474 с.
4. **Мелетинский Е. М.** О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири: избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М.: РГГУ, 1998. 576 с.
5. **Покатилова Н. В.** К вопросу о формах параллелизма в эпическом жанре олонхо: из наблюдений над текстом // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск: Якутский гос. ун-т, 1996. С. 73-88.
6. **Пропп В. Я.** Общий характер эпоса первобытно-общинного строя // Русский героический эпос. М., 1958. 604 с.
7. **Пухов И. В.** Алтайский народный героический эпос // Калкин А. Г. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. С. 8-60.
8. **Ядрихинский П. П.** – **Бэдьээлэ.** Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Олонхо. Якутск: Сайдам, 2011. 448 с.
9. **Якобсон Р.** Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике М.: Прогресс 1987. С. 99-127.

BASIC FEATURES OF PARALLELISM IN YAKUT OLONKHO AND ALTAI EPOS

Borisov Yurii Petrovich

Research Institute of Olonkho

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

olonhoman@mail.ru

The article considers the rhythmic-syntactic parallelism in the Yakut epos olonkho –Girl-hero Dzhyrybyna Dzhyrylyatta” and in the Altai epos –Maadaï Kara” from the point of view of a comparative-typological approach. As a result of the analysis the basic similar and distinctive features of parallelisms in compared eposes are revealed, and also the attempts to ascertain the relationship at the level of syntax are undertaken.

Key words and phrases: literal repetition; contextual synonyms; variant synonyms; antonymic opposition; enumerated parallelism; rhythmic-syntactic parallelism; cross-type parallelism; two-binominal parallelism; polynomial parallelism; tirade.

УДК 82-311

Филологические науки

В статье исследуются генетические предпосылки для создания романа Ф. М. Достоевского «Идиот»; рассматривается, как биографический контекст повлиял на фабульное построение текста, его архитеконику и образный строй. На основе количественного статистического анализа словоупотребления универсалий «стыд»/«бесстыдство» на материале романа получены ранее не освещаемые в научной литературе сведения о неожиданных пересечениях характерологического плана, интерпретация которых и является задачей данной работы, что помогает выявить механизм смыслопорождения текста.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; «Идиот»; генезис; биографический контекст; универсалия; бесстыдство; стыд.

Ваганова Ольга Константиновна

Воронежский государственный университет

o-k-vaganova@yandex.ru

«НУ И БЕССТЫДНИК ЖЕ ТЫ!...»: К ГЕНЕЗИСУ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»[©]

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ проект №12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII – начало XX вв.)».

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению предмета нашего исследования, сделаем ряд предварительных замечаний операционного характера. В работе мы активно использовали метод фронтального количественного анализа текста, который берется за единицу, а подсчет **относительных частот словоупотреблений** (далее – о.ч.с.) производится путем арифметического деления количества маркированных словоупотреблений на общее число словоформ референтного текста. Ранжирование относительных частот словоупотребления концептов «стыд»/ «бесстыд» приводится по выборке среди романов «пятикнижия» Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Один из рабочих терминов – «универсалия»---- мы будем использовать в расширительном значении, предложенном Ч. Хоккетом: «Лингвистическая универсалия есть признак, или качество, разделяемое всеми языками или являющееся принадлежностью языка в целом» [6, с. 297].

После публикации «Преступления и наказания» (1866) Ф. М. Достоевский начинает работу над «Идиотом» – текстом, занимающим первое место в списке «пятикнижия» по употреблению слов, содержащих **универсалию «бесстыдство»** (о.ч.с. – 0,00006082, или 13 словоупотреблений), и второе место по количеству словоформ с маркером «стыд/стыж» (с о.ч.с. – 0,0005006, что составляет 107 релевантных контекстов) (см. Таблицы 1, 2). Внезапный «всплеск» внимания Достоевского к топике стыда и бесстыдства тем более примечателен, что срок между публикацией романов – всего год. Однако «Преступление и наказание» по шкале «стыда»/«бесстыдства» имеет низкий показатель – соответственно 4 и 5 место (из пяти возможных) с о.ч.с. – 0,00035831 (общее количество словоупотреблений в романе – 63) и 0,00000569 (3 репрезентативных словоформы) (см. Таблицы 1, 2).

Чем же можно объяснить тот факт, что вслед за наиболее «безразличным» к стыду романом («Преступление и наказание») писатель создает самое «бесстыдное» произведение своей крупной прозы? Очевидно, попытки разрешить этот вопрос вне исследования авторских интенций или за пределами биографического контекста имеют ограниченные шансы на успех.

1867 год был во многом переломным: в феврале состоялось венчание Ф. М. Достоевского и А. Г. Сниткиной; в начале апреля – поездка с женой в Москву; далее – «заграничное» путешествие новобрачных; ежедневная игра